

RU

Лингвистические средства художественной выразительности
во франкоязычной версии рассказа С. Беккета «Изгнанник»

Ульяницкая Л. А., Чутова А. О.

Аннотация. Цель исследования – выявить лингвистические средства художественной выразительности, примененные С. Беккетом для создания абсурдистских образов во франкоязычной версии рассказа «Изгнанник». В статье рассматриваются особенности художественного текста, понятие и концепция литературы абсурда, роль метафор и синтаксических конструкций в формировании системы образов, а также особенности прозы С. Беккета. Научная новизна работы заключается в определении роли метафоры и синтаксических конструкций при создании художественного произведения литературы абсурда. В результате исследования получено представление о значимости метафоры, фигур речи и синтаксических конструкций в создании текстов абсурдистской литературы в творчестве С. Беккета, которое в некоторой степени можно применить и для анализа других произведений этого жанра. В рассказе «Изгнанник» звучат лейтмотивы отчуждения личности в обществе, экзистенциального страха и смерти. Это подтверждается семантическими группами метафор. На уровне текста наиболее продуктивным способом создания абсурдистского стиля являются фигуры речи и синтаксические конструкции. Чаще всего встречаются различные виды повторов, это могут быть простые повторы, состоящие из нескольких слов или фраз, встречающихся по всему тексту. Нередко встречаются риторические вопросы, с помощью которых герои обращаются не только к себе, но и к читателю.

EN

Linguistic devices of artistic expression in the French-language version
of Samuel Beckett's short story "The Expelled"

L. A. Ulianitckaia, A. O. Chutova

Abstract. The study aims to identify the linguistic devices of artistic expression used by Samuel Beckett to create absurdist imagery in the French-language version of the short story "The Expelled". The article examines the features of the artistic text, the notion and conception of absurdist literature, the role of metaphors and syntactic constructions in shaping the system of images, and the features of Beckett's prose. The novelty of the study lies in determining the role of metaphor and syntactic constructions in creating works of absurdist literature. The research resulted in an understanding of the significance of metaphor, figures of speech, and syntactic constructions in creating texts of absurdist literature in Beckett's writings, which can be applied, to some extent, to the analysis of other works of this genre. The short story "The Expelled" features leitmotifs of alienation, existential fear, and death, as evidenced by semantic groups of metaphors. At the textual level, the most productive method for creating an absurdist style is through figures of speech and syntactic constructions. Various types of repetition are most frequent, including simple repetitions consisting of several words or phrases appearing throughout the text. Rhetorical questions, through which the characters address not only themselves but also the reader, are also common.

Введение

Актуальность настоящей работы обуславливается непрекращающимся интересом отечественных и зарубежных исследователей к творчеству ирландского писателя С. Беккета, считающегося одним из основоположников развития эргодического стиля в литературе. В последнее время литературоведческая стилистика все чаще прибегает к арсеналу стилистики лингвистической, позволяющей изучать средства языка с точки зрения их выразительности и способности формировать текст того или иного стиля. Рассмотрение средств создания художественного образа сквозь призму лингвистической стилистики является весьма своевременной задачей и может служить известным вкладом в развитие современной стилистики в целом. Малая франкоязычная

проза Сэмюэля Беккета является классическим примером художественной литературы, сложность и многогранность которой не могут не привлекать внимания переводчиков, лингвистов и литературоведов.

В работе проводится лингвистический анализ средств художественной выразительности с особым вниманием к стилю, характерному для литературы абсурда.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- изучить понятие и концепцию литературы абсурда, выявить характерные особенности прозы С. Беккета;
- изучить и проанализировать роль метафоры, фигур речи и синтаксических конструкций в создании системы образов в художественном тексте;
- методом сплошной выборки отобрать метафоры, фигуры речи и синтаксические конструкции во франкоязычной версии рассказа С. Беккета «Изгнанник»;
- проанализировать собранный материал, обсудить роль тех или иных художественных средств в создании системы образов в рамках литературы абсурда.

При решении задач, поставленных в работе, использовались следующие методы исследования: методы теоретического анализа, используемые для систематизации фактического материала и уточнения подходов к классификации стилистических художественных средств; метод сплошной контролируемой выборки для сбора языкового материала с целью дальнейшего анализа; метод количественного анализа, примененный для выявления наиболее часто используемых художественных средств при построении образов в абсурдистских произведениях С. Беккета; метод контекстуального анализа для уточнения значений метафор и синтаксических конструкций; метод классификации, который позволил систематизировать полученные данные и представить их в общепринятом для стилистических исследований виде.

Материалом исследования послужили лексико-грамматические конструкции французского языка, применяемые в качестве средств художественной выразительности в рассказе С. Беккета «L'expulsé» («Изгнанник»), входящем в сборник рассказов:

- Beckett S. *Nouvelles et Textes pour Rien*. P.: Edition de Minuit, 1958.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых О. В. Кравченко (2008; 2009), Е. И. Лобановой (2012), Е. В. Яковлевой (2019), М. Bennis (2023), P. Childs, R. Fowler (1973), посвященные описанию особенностей литературы абсурда. Работы Ю. А. Дымант (2017), Е. А. Марковой (2020), S. Campbell (2020), A. Winstanley (2013) дали возможность получить представление о характерных чертах творчества С. Беккета как одного из основателей эргодической литературы и билингвального писателя. Главным аспектом исследования является изучение метафор, фигур речи и стилистических тропов в произведениях С. Беккета, что стало возможным благодаря трудам Е. С. Богдановой (2016), М. Д. Кузнец (1960), Т. В. Матвеевой (2010), В. Н. Телия (1988), их предложенным классификациям и определениям.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и выводы могут быть использованы при разработке учебных курсов по грамматике французского языка, французской литературе, стилистике художественного текста.

Обсуждение и результаты

Понятие и концепция литературы абсурда

Литература абсурда возникла в середине XX века, в эпоху, которая характеризовалась по большей части пессимизмом, скептицизмом, цинизмом, утратой веры после двух мировых войн. Войны были не только деструктивны с точки зрения человеческих потерь и массовых разрушений, но и с точки зрения потери человеческих ценностей и убеждений, из-за чего современный мир на тот момент казался враждебным к человеческому существованию в принципе. Все эти факторы нашли свое отражение и сыграли важную роль в формировании нового направления в искусстве – абсурдизма.

Е. И. Лобанова отмечает, что в сфере литературы абсурдизм – это театральное направление, которое в своей сути совпадает с «театром абсурда». Это течение, появившееся под влиянием экзистенциализма, выражало трагическое мировоззрение через алогичность речи действующих лиц, действий и сюжета в целом (Лобанова, 2012). Стилистические приемы играют важную роль в литературе абсурда, поскольку помогают передать чувства и ощущения, невыразимые с помощью нейтрального языка.

Один из основоположников направления, А. Камю, определял абсурд как напряжение, возникающее между индивидом, который вознамерился найти порядок и цель в мире, лишенном данных категорий, и его окружением. Такие качества человека, как настойчивость или мужество, больше не играют важной роли в формировании художественного образа героя, скорее наоборот, они высмеиваются и лишь подчеркивают бессилие индивида перед жестокой реальностью (Childs, Fowler, 1973).

Считается, что слово «ничто» проходит лейтмотивом через все работы абсурдистов. Система образов, сюжет, язык, а иногда и сама сцена, если речь идет про пьесу, созданы для того, чтобы читатель или зритель не просто прочитали или увидели небытие (nothingness), но и прочувствовали саму суть данного понятия, проследили «ничто» и в своей собственной жизни (Bennis, 2023, p. 150).

О. В. Кравченко (2009) рассматривает порождение лингвистического абсурда, к которому принадлежат работы многих авторов, в том числе и С. Беккета, с помощью разнообразных синтаксических конструкций, которые представляют собой особый вид языковых аномалий. В основе лингвистического абсурда, по мнению ученого, лежит сложный процесс взаимодействия языковых структур и смысла, который возникает в результате семантических преобразований (Кравченко, 2008).

С. Кэмпбелл отмечает несколько особенностей абсурдизма, которые в том числе можно встретить в работах С. Беккета, а именно:

1) *легкоузнаваемый и банальный сюжет*, который сложно распознать с первого взгляда читателю из-за награждения абсурдных элементов повествования;

2) *смещение объекта* происходит, когда традиционно должен был появиться один предмет, но он был заменен чем-то другим;

3) *сглаженный или безэмоциональный тон повествования* используется для того, чтобы связь между читателем и описанными событиями была отчужденной. Это необходимо для создания правдоподобной атмосферы в абсурдных рассказах. Если история абсурдная, но написана эмоционально, то это может привести к недоверию у читателей и уменьшению интереса к описываемым событиям. Этот прием помогает избежать излишней сентиментальности и мелодраматичности и позволяет рассказать абсурдную историю логично, будто факты описываемой истории являются неоспоримыми;

4) прием *сопоставления противоречащих друг другу вещей* с целью обнажить реальность абсурда и абсурдность реальности. Ученый приводит следующий пример: *свет не может существовать без тьмы и наоборот* (Campbell, 2020).

Языковой абсурд представляет особую трудность, например, для переводчиков, поскольку он требует сохранения авторского замысла, зачастую передаваемого тонкой игрой слов и особыми языковыми конструкциями. Основная задача при переводе языкового абсурда заключается в том, чтобы объяснить читателю незнакомые культурные реалии и языковую игру исходного языка, используя стандартную и общепринятую лексику переводящего языка для достижения аналогичного прагматического эффекта (Яковлева, 2019). Направление абсурдизма, которое характеризуется подчеркнутой отстраненностью от общественных идеалов и ценностей, нередко сложно поддается переводу, поскольку передать заложенные экзистенциальные идеи для других культур так, чтобы они были восприняты нужным образом, – задача непростая даже для очень опытного переводчика. Именно поэтому перевод литературы абсурда требует от переводчика глубокого понимания культурного контекста, сопряженного с ясным видением особенностей актуализации в языке метафор, фигур речи, синтаксических конструкций и других стилистических художественных средств.

Метафоризация и принципы ее реализации в художественном тексте

Согласно классическому пониманию, метафора – это троп, суть которого заключается в переносном употреблении слов и выражений на основе сходства двух и более сопоставляемых явлений (Матвеева, 2010, с. 206). Более того, метафора является одним из самых распространенных средств выразительности, поскольку ее основная функция заключается в создании художественных образов и порождении новых смыслов, которые способствуют усилению чувства реальности. В работе В. Н. Телия (1988) рассматриваются четыре основные функции метафоры: идентификационная (выявляет сходства между тем, что обозначается, и образом, который формируется в результате использования метафоры), когнитивная (создание абстрактного значения), образная (создает эстетический эффект) и оценочная (выражает оценочное отношение).

Е. С. Богданова выделяет несколько особенностей использования метафоры и метафорического высказывания в художественном тексте. Ученый отмечает, что метафора влияет на сюжетообразование и композицию текста. В первом случае метафора может являться идейным центром произведения, то есть повествование и действия главных героев подчиняются одному образу или концепту. В случае композиции текста повторяющаяся метафора может служить маркером развития сюжета, выделяя для читателя важные моменты и подчеркивая их значимость (Богданова, 2016). Метафорические конструкции совершают переход из рациональной сферы в область символики и связанного с ней коллективного бессознательного, что позволяет посмотреть на мир с новой перспективы.

Фигуры речи и синтаксические конструкции, и их роль в художественном тексте

Стилистические фигуры речи и синтаксические конструкции играют важную роль в формировании художественных образов в литературе абсурда, поскольку именно это направление характеризуется особым интересом авторов к лингвистическим экспериментам. Авторы часто обращаются к синтаксису, так как с его помощью можно не только создавать особый ритм произведения или подмечать психические особенности в речи главных героев, но и усиливать воздействие на читателя других изобразительных средств языка. Фигуры речи призваны нарушать линейный порядок мысли и слова и рассматриваются в первую очередь как отклонение от обычного выражения авторских идей. Противоборство с устоявшимися нормами является одной из ведущих тем в творчестве писателей-абсурдистов, что объясняет обильное использование различных стилистических синтаксических конструкций в их работах.

М. Д. Кузнец подразделяет синтаксические выразительные средства на: «1) выразительные средства, в основе которых лежит отсутствие логически требуемых компонентов речи (эллипс, умолчание, номинативные предложения, асиндетон, зевгма); 2) выразительные средства, связанные с избыточным употреблением компонентов речи (повтор: простой, обрамление, подхват, синтаксическая тавтология, полисиндетон; эмфатическое подчеркивание); 3) выразительные средства, заключающиеся в необычном размещении компонентов речи (инверсия); 4) выразительные средства, создаваемые взаимодействием смежных предложений (параллелизм, хиазм, анафора, эпифора); 5) стилистические функции форм синтаксической связи между словами

и предложениями (обособление, употребление сочинительной связи вместо подчинительной); б) переосмысление синтаксических конструкций (риторический вопрос и утвердительная конструкция с отрицательным значением)» (1960, с. 65–66). Фигуры речи являются продуктивным способом создания художественных образов, поскольку за счет большого количества разных форм выражения могут создать неожиданные ассоциации, а также придать глубину и многозначность тексту.

Характерные особенности прозы С. Беккета

Сэмюэл Беккет – знаменитый ирландский драматург, писатель и лауреат Нобелевской премии по литературе, который получил мировую известность благодаря своим произведениям, сочетающим в себе абсурд и экзистенциальные темы. В его произведениях часто изображается философия жизни, которая представлена как безысходность, смерть, одиночество, беспомощность и отсутствие смысла человеческого существования. Писатель с помощью особых художественных средств отчуждает читателя от знакомого и привычного, что приводит к ощущению некоторого дискомфорта при прочтении текста. Стилистические эксперименты нередко приводят к созданию новых и неожиданных смыслов, что позволяет читателю по-новому взглянуть на мир и поставить под сомнение традиционные представления о литературе.

Впервые знакомясь с работами С. Беккета, сложно не заметить, какое большое значение автор придает телесности, то есть потребностям и побуждениям человеческого тела. Главные герои нередко сталкиваются со сложностями, когда речь идет о простейших жизненных процессах, таких как питание, переваривание пищи, дыхание и даже кровообращение. В своих работах автор отдает предпочтение чувственному восприятию, произвольным движениям и автономным рефлексам организма (Winstanley, 2013).

С. Кэмпбелл пишет о том, что С. Беккет является не просто билингвальным автором, что само по себе усложняет понимание и интерпретацию его текстов, но и имеет особое отношение к языку не как системе знаков, которая развивалась на протяжении веков для человеческого использования, а как к живому организму. Подобный гуманистический подход, а также понимание того, по каким правилам может работать язык, позволили автору добиться полного контроля над текстом и дали возможность писать в абсурдистском направлении, которое бросает вызов устоявшимся традициям (Campbell, 2020). А. Уинстенли придает особое значение телесной концепции языка в создании текстов С. Беккета. Ученый считает, что синтаксические особенности, такие как множественные повторения, парцелляция, инверсии и т. д. отождествляются с медицинскими недугами, автономными рефлексам и телесными выделениями. Автор нередко демонстрирует дефекты речи, хромоту и затрудненное передвижение главных героев, все эти особенности материализуются на уровне текста и его синтаксиса, что мешает читателям следовать повествованию и ставит их в уязвимое положение перед рассказчиком. Ученый также рассматривает лингвистические эксперименты С. Беккета как своего рода уничтожение литературы, низведение ее к форме текстового мусора, рутинной своей повторяемостью в процессе написания произведения. Амбивалентное отношение автора к языку и тексту является основой необычного творческого процесса, в результате которого создаются произведения, полностью отражающие концепции абсурдизма (Winstanley, 2013).

Произведения С. Беккета вызывают интерес не только своей экспериментальной формой изложения, но и содержанием. Писатель в своих работах раскрывает абсурдность реальности и экзистенциальные вопросы человеческого существования посредством различных литературных приемов, которые погружают читателя в перипетии сюжета и убеждают его в правдивости описываемого. Тем самым читатель является не просто наблюдателем, но активным соучастником формирования художественного нарратива наравне с автором.

К интересным выводам приходит Е. А. Маркова (2020), исследуя творчество С. Беккета в контексте «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского. Автор пишет о том, что произведениям С. Беккета присуща нелинейность времени, о которой он пишет в связи с М. Прустом и Ф. М. Достоевским, которая заявляет об иррациональности мира и бессилии разума. Нелинейность времени соотносится с волей героев (или её отсутствием) и выражена композиционно и стилистически – через повторы ситуаций и реплик, а потребность раскрыть тайный смысл бытия приводит героев в движение – хождение по «заколдованному кругу». Ответы на терзающие их вопросы оказываются недоступными для личности, пребывающей в состоянии «я», за рамки которого она выйти неспособна.

Не менее интересным аспектом литературного творчества билингвального автора С. Беккета представляется факт того, что автор создавал свои произведения на разных языках, а именно на английском и французском, и нередко самостоятельно занимался переводом своих текстов, чтобы обеспечить им доступность более широкой аудитории. Является ли «самоперевод» продолжением оригинального текста? Ю. А. Дымант (2017) отмечает отсутствие фактора субъективного воздействия на текст третьего лица, а также подчеркивает большую свободу автора, выполняющего перевод самостоятельно, поскольку появляется возможность существенно видоизменять текст на свое усмотрение.

В своих работах автор использовал большое количество средств художественной выразительности, которые представляют собой особую сложность при переводе на другой язык, но вместе с тем являются неотъемлемой частью создания системы образов и общей атмосферы произведения.

Система образов в рассказе С. Беккета «Изгнанник»

«Изгнанник» С. Беккета предлагает читателям глубокое исследование человеческого существования, в рассказе используется богатая система художественных образов, позволяющая раскрыть темы изоляции, отчуждения

и тщетных поисков смысла. В центре повествования – главный герой-изгнанник, блуждающий по безымянному городу в поисках неизвестного. По мере развития повествования рассказчик сталкивается с рядом незнакомцев, каждый из которых представляет разные грани его сознания. Эти встречи подчеркивают трудности общения и взаимодействия в мире, лишенном внутреннего смысла. Повторяющийся мотив неба, далекого и недостижимого, подчеркивает экзистенциальную дилемму главного героя, когда он сталкивается с невозможностью найти утешение во вселенной, лишенной цели.

Анализ метафор

В рассказе «Изгнанник» С. Беккет использует метафорические конструкции для выражения абстрактных и сложных экзистенциальных тем, таких как изоляция индивида в обществе, быстротечность и необратимость времени, неизбежность смерти. В тексте встречаются 23 метафорические единицы, которые можно распределить по семантическому признаку на 5 групп: экзистенциальные метафоры, которые выражают абсурдность жизни, изоляцию и одиночество индивида, смысл и бессмысленность существования (11 примеров); метафоры, выражающие взаимодействие с природой и окружающей средой (4 примера); метафоры времени (3 примера); метафоры путешествия (3 примера); метафоры, передающие физические ощущения (2 примера). Количественное распределение метафорических единиц по группам наглядно демонстрирует особенности акцентуализации тем, рассматриваемых в рассказе.

Вообще говоря, экзистенциальные метафоры часто используются в литературе, философии и искусстве для исследования сложных и фундаментальных тем. Они могут быть явными или подразумеваемыми и часто опираются на образы, символы и архетипы, связанные с человеческим существованием. Так и в исследуемом рассказе мы обнаруживаем соответствующие примеры. Метафора *tout le monde est parent, c'est cela qui vous interdit d'espérer* (весь мир – это родитель, который запрещает вам мечтать) (здесь и далее перевод авторов статьи. – Л. У., А. Ч.) подчеркивает чувство уязвимости и бессилия перед лицом социальных норм и ожиданий. Подразумевается, что тяжесть социальных норм может служить препятствием для искренней надежды. Метафора *pauvres solutions de jeunesse, qui n'expliquent rien* (плохие решения молодости, ничего не объясняющие) раскрывает проблему сложности принятия важных жизненных решений, а также подчеркивает бессилие юношеской наивности перед решением экзистенциальных вопросов и дилемм. Метафора *le tronc... avait la mollesse d'un sac négligemment rempli de chiffes* (туловище... было мягким, как мешок, небрежно набитый тряпками) демонстрирует отношение главного героя к человеческой жизни, передает ощущение пустоты, упадка и отсутствия прочности, отражая экзистенциальную опустошенность рассказчика. В этой метафоре выражено острое чувство незначительности или распада, что перекликается с темами экзистенциальной тоски и тщетности, присутствующими в творчестве С. Беккета.

Метафоры, связанные с природой и окружающей средой, немногочисленны, однако довольно обширны, например: *je levai les yeux au ciel, d'où nous vient le fameux secours, où l'on les chemins ne sont pas marqués, où l'on erre librement, comme dans un désert, où rien n'arrête la vue, de quelque côté qu'on regarde, sinon les limites de la vue* (я поднял глаза к небу, откуда к нам приходит знаменитая помощь, где дороги не обозначены, где мы блуждаем свободно, как в пустыне, где ничто, кроме ограниченности самого взгляда, нас не останавливает, с какой бы стороны мы ни смотрели); *je n'y reux rien, à ce ciel qui repose, tête nuageux, tête plombé, tête voilé par la pluie, du fouillis et de l'aveuglement de la ville, de la campagne, de la terre* (я ничего не могу поделать с этим покоящимся небом, даже облачным, даже свинцовым, даже покрытым дождем, с беспорядком и слепотой города, сельской местности, земли). Эти метафоры создают образы непрекращающихся поисков смысла бытия, представляя небо как бесконечную вселенную и символ вечности, в которой человеческая жизнь подобна песчинке в безграничной пустыне.

Как уже отмечалось, встречаются также метафоры, связанные с физическими ощущениями, понятием времени и путешествиями. Главный герой перемещается по городу в неизвестном направлении на фиакре, находит ночлег, но не может оставаться на месте и вновь отправляется в путь, быстротечность времени побуждает к действию: *sous la cruelle pression des événements* (под жестоким давлением событий). Движение «в никуда» воодушевляет главного героя, но вместе с тем немного отпугивает: *au seuil de perspectives innombrables et confuses* (на пороге бесчисленных и запутанных перспектив). Главный герой не придает особого смысла своему путешествию и считает важным не результат, но сам процесс: *je connaissais mal... lieu... de mes premiers pas... puis de tous les autres qui ont si mal brouillé ma piste* (я плохо знал место моих первых шагов, а потом и последующих, которые так сильно сбили меня с пути).

По ходу повествования становится очевидным, что главный герой чувствует себя потерянным, одиноким и отстраненным от мира людей с их заботами и проблемами. К тому же конец пути оказывается одинаковым для всех: *quand je suis dehors, le matin, je vais à la rencontre de soleil, et le soir, quand je suis dehors, je le suis, et jusque chez les morts* (когда я выхожу утром, я иду навстречу солнцу, а вечером, когда я выхожу, я следую за ним, пока не окажусь среди мертвых).

В произведении С. Беккета «Изгнанник» метафоры являются важнейшим инструментом передачи глубоких смыслов и исследования экзистенциальных тем. Автор создает многоуровневые интерпретации, добавляющие богатство и сложность повествованию. Посредством метафор С. Беккет исследует человеческое состояние, рассматривая понятия изоляции, отчуждения и поиска смысла в, казалось бы, абсурдном мире. Тем самым метафоры в «Изгнаннике» выступают средством самоанализа, приглашая читателей поразмышлять о сложностях существования и неотъемлемых противоречиях человеческого опыта.

Анализ синтаксических конструкций

Как и в любом произведении литературы абсурда, в рассказе «Изгнанник» синтаксис играет первостепенную роль в создании образов хаотичности и нестабильности, присущих абсурдистскому мировоззрению. Синтаксис становится дополнительным инструментом, применение которого позволяет выразить состояние главного героя – непрекращающийся внутренний поиск в невозможности найти смысл и порядок в окружающем хаосе.

Выделен 61 пример синтаксических конструкций, среди которых: простые повторы (7 примеров), анафора (3 примера), эпифора (7 примеров), эпанафора (4 примера), риторические вопросы (11 примеров), парцелляция (20 примеров), антитеза (5 примеров) и перечисления (4 примера).

Многочисленные виды **повторов** являются характерной чертой произведений литературы абсурда, привлекая раз за разом внимание читателя к незначительным деталям, которые отвлекают от более сложных экзистенциальных вопросов. Это характерно и для творчества С. Беккета. В частности, наиболее частотными являются повторы отдельных фраз и предложений, разбросанных по абзацам, но часто в рамках одной страницы: *Je les connaissais (Я знал их)* (Beckett, 1958, p. 17) (2 раза); *Mais comment le décrire? (Но как же её описать?)* (Beckett, 1958, p. 15, 16); *le chiffre ne m'est plus présent (число не сохранилось в памяти)* (Beckett, 1958, p. 11, 12) (2 раза). Повторы в данном случае создают эффект эха, который усиливает чувство одиночества и изолированности от всего остального мира главного героя, а также исследуют природу памяти и забывания, поскольку по ходу повествования рассказчик несколько раз тщетно обращается к своим воспоминаниям. Читатели могут почувствовать себя отстраненными и потерянными вместе с персонажем.

Анафора создает ритмический и музыкальный эффекты, усиливая воздействие повторяющихся фраз. Это связано с тем, что повторение начальных звуков и слов привлекает внимание читателя и создает ощущение движения и импульса. Например, в следующем отрывке С. Беккет использует анафору, чтобы посетовать, насколько утомительно слушать о чужой жизни: *il me parla de sa vie, de sa femme, de sa bête, puis encore de sa vie, de la vie atroce (он рассказал мне о своей жизни, о своей жене, о своем звере, а затем снова о своей жизни, о мучительной жизни)*. **Эпифора**, как и анафора, может создавать ритмический и музыкальный эффекты. Однако, поскольку повторение происходит в конце предложений, эпифора также служит для усиления эмоционального воздействия. Например, в следующем отрывке автор использует эпифору для выражения чувств раздражения и недовольства главного героя: *J'avais bon espoir qu'elle s'était cassé le fémur, les vieilles dames se cassent facilement le fémur, mais pas assez, pas assez (Я очень надеялся, что она сломала бедро, старые дамы легко ломают бедро, но недостаточно, недостаточно)*.

В следующем примере можно проследить сожаление и смущение рассказчика: *je ne sais pas pourquoi j'ai raconté cette histoire. J'aurais pu tout aussi bien raconter une autre. Peut-être qu'une autre fois je pourrai en raconter une autre (я не знаю, почему я рассказал эту историю. С таким же успехом я мог бы рассказать другую. Может быть, в другой раз я смогу рассказать другую)*.

Использование **эпанафоры** С. Беккетом не просто стилистический прием, а важный инструмент создания атмосферы произведения, позволяющий передать экзистенциальное отчаяние главного героя-изгнанника, его запертость в бессмысленном цикле существования: *il ne faut pas penser à certains choses... ou plutôt il faut y penser, car à ne pas y penser ou risque de les retrouver... c'est-à-dire qu'il faut y penser pendant un moment, un bon moment, tous les jours et plusieurs fois par jour (не стоит думать о некоторых вещах... вернее, стоит о них думать, то есть мы должны думать о них какое-то время, хорошее время, каждый день и несколько раз в день); ...la chute fut donc peu grave. Tout en chutant j'entendis claquer la porte, ce qui m'apportant de réconfort, au fort même de ma chute (...таким образом, падение было несерьезным. Падая, я услышал, как хлопнула дверь, что принесло мне утешение в самый разгар моего падения)*. Повторение слов и фраз подчеркивает пустоту и бесцельность исканий героя, отражая абсурдность и тщетность жизни. Все виды повторов имитируют естественные циклы, такие как смена дня и ночи или смена времен года. Это служит напоминанием о том, что человеческое существование также является частью более крупного, не поддающегося контролю цикла.

Частые **риторические вопросы** создают ощущение неопределенности и экзистенциальных размышлений, отражая темы абсурдности жизни и тщетности человеческого существования, присутствующие во многих работах С. Беккета. Каждый вопрос также усиливает атмосферу замешательства и дезориентации, испытываемую главным героем, внося свой вклад в общий сюрреалистический тон рассказа: *Mais sait-on jamais soi-même pourquoi on rit? (Но осознаем ли мы вообще, почему смеемся?); Ne dormant-ils donc jamais, les chevaux? (Неужели лошади не спят?); Mais qu'est-ce qui est facile? (Но что вообще дается легко?)*. Кроме того, вопросы приглашают читателей к активному взаимодействию с текстом, побуждая их задуматься о смысле, стоящем за действиями рассказчика, и об абсурдных ситуациях, в которых он оказывается.

С. Беккет также часто использует **парцелляцию**, что способствует фрагментарному и порой бессвязному характеру повествования. Этот прием отражает дезориентацию и экзистенциальное замешательство, испытываемые рассказчиком, а также общее ощущение абсурдности. Используя короткие, разрозненные фразы, такие как *Et voilà (Вот так); Il rit (Он засмеялся); Très peu (Совсем немного); Il s'arrêta (Он остановился)*, С. Беккет создает прерывистый ритм, отражающий разрозненные мысли и действия главного героя и других участников повествования. Этот прием подчеркивает чувство отчуждения и отрешенности, испытываемое персонажами, когда они ведут свое сюрреалистическое и, казалось бы, бессмысленное существование. Кроме того, парцелляция служит для того, чтобы подчеркнуть определенные моменты или идеи, привлекая внимание к их значимости на фоне хаотичного фона пьесы. Например, такие фразы, как *Ah les morts (Ах, мертвые); J'eus cette joie (Я почув-*

стывал эту радость); *Ce ne fut pas facile* (Это было нелегко); *La fatigue* (Слабость), выделяются на фоне фрагментарного языка, подчеркивая моменты созерцания или эмоционального резонанса.

В рассказе «Изгнанник» С. Беккет использует также **антитезу**, или сопоставление противоположных идей, чтобы подчеркнуть экзистенциальные дилеммы и конфликты, с которыми сталкиваются герои. Противопоставляя противоположные концепции, автор в очередной раз подчеркивает абсурдность и двусмысленность человеческого существования. Например, такие фразы, как *...où commencer ni par où finir...* (...ни где начать, ни где закончить...), иллюстрируют борьбу персонажей с направлением и целью, когда они сталкиваются с цикличностью своего существования. Аналогичным образом контраст в следующем фрагменте: *...toi qui étais jeune et beau... alors que lui était déjà vieux et tout gonflé* (...мне, молодому и красивому... в то время он уже старый и обрюзгий) – подчеркивает течение времени и неизбежность старения, противопоставляя молодость и красоту старости и увяданию. Кроме того, такие фразы, как *...ce que j'avais perdu et ce que je cherchais* (...что я потерял и что я ищу), подчеркивают чувство разочарования и неуверенности главного героя.

В тексте рассказа встречаются и **перечисления**, всего лишь дважды, однако этого оказывается вполне достаточно, поскольку многочисленные повторы в полной мере насыщают рассказ, казалось бы, с первого взгляда излишней заикленностью на деталях. Например: *...des pistes réservées à ces sales petits êtres, leurs landaus, cerceaux, sucettes, patinettes, trotinettes, pépés, mémés, nounous, ballons...* (...на оживленных улицах предусмотрены специальные дорожки для этих маленьких неприятных созданий, их колясок, обручей, сладостей, самокатов, коньков, дедушек, бабушек, нянь, воздушных шаров и мячиков...). Этот пример особенно интересен, поскольку демонстрирует не только чрезмерное перечисление, но и аллитерацию – прием звуковой организации текста, основанный на схожести звуков.

В рассказе С. Беккета «Изгнанник» ключевую роль играют синтаксические средства художественной выразительности. С их помощью исключительно эффективно удается создать атмосферу отчуждения и монотонности: повторяющиеся, фрагментарные предложения и фразы вызывают чувство изоляции, выражая неустойчивый внутренний мир героя-изгнанника и его отстраненность от мира внешнего; создается впечатление бесконечного круговорота, усиливается чувство безнадежности и безысходности. В тексте создается особый ритм, идущий вразрез с традиционными повествовательными условностями. Грамматический строй французского языка представляет С. Беккету возможность создания стилистически эффективных синтаксических конструкций.

Заключение

Средства художественной выразительности играют первостепенную роль в создании абсурдистской системы образов в рассказах С. Беккета. Отмечаются следующие характерные черты художественного текста в рамках литературы абсурда: подчеркнутое отсутствие причинно-следственных связей, легкоузнаваемый и банальный сюжет, безэмоциональный тон повествования, обличение недопонимания между отдельной личностью и обществом.

Проанализированные примеры метафор, фигур речи и синтаксических конструкций раскрывают семантические и стилистические особенности художественного текста абсурдизма. В рассказе С. Беккета «Изгнанник» были определены следующие группы метафор: экзистенциальные; выражающие взаимодействие с природой и окружающей средой; метафоры времени; метафоры путешествия; метафоры, передающие физические ощущения. Эти метафоры создают впечатление единого гипертекста, который вступает в диалог с читателем. Нелинейное повествование, возникающее из взаимосвязи метафор, является одним из главных способов создания абсурда в этих рассказах.

В рамках лингвистического дискурса абсурдность достигается посредством частого применения фигур речи и синтаксических конструкций, которых было обнаружено значительное количество в рассказе С. Беккета «Изгнанник». Среди них выделяются простые повторы, анафора, эпифора, эпанафора, риторические вопросы, парцелляция, антитеза, перечисления.

Чаще других С. Беккет использует экзистенциальные метафоры, риторические вопросы и парцелляцию. Эти стилистические средства создают ощущение заикленности в тексте, а также нарушают общепринятые нормы художественного повествования, создавая лингвистический абсурд. В тексте абсурд может проявляться на разных уровнях: лексическом, синтаксическом, композиционно-синтаксическом, стилистическом и гипертекстовом. Успешность построения лингвистического абсурда напрямую зависит от языковой системы, в рамках которой он функционирует. Во французском языке, который относится к группе романских языков с относительно фиксированным порядком слов, лингвистические эксперименты с синтаксисом могут вызывать определенные трудности. Однако имеются и другие особенности, которые способствуют усилению чувства абсурдности повествования; так, отрицание с двумя вспомогательными единицами во французском языке создает большую фрагментарность в тексте, чем, например, в английском языке.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в изучении влияния синтаксиса на эмоциональное восприятие текста читателями. Проведение экспериментальных психолингвистических исследований позволило бы выяснить, как повторяющиеся синтаксические конструкции воздействуют на понимание и какие эмоциональные реакции формируются при этом у читателя. Также представляется перспективным проанализировать не только авторские переводы С. Беккета, но и переводы его произведений на другие языки и определить степень адекватности перевода метафор, фигур речи и синтаксических конструкций.

Источники | References

1. Богданова Е. С. Метафора в художественном тексте: функции, восприятие, интерпретация // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2016. № 3 (52).
2. Дымант Ю. А. О вторичности текста автоперевода (на примере реализации конативной функции в текстах автопереводов В. В. Набокова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68).
3. Кравченко О. В. Лингвистический абсурд: динамика смысла в дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. 2008. № 1 (7).
4. Кравченко О. В. Синтаксические механизмы порождения лингвистического абсурда // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 106.
5. Кузнец М. Д. Стилистика английского языка: пособие для студентов педагогических институтов / под ред. Н. Н. Амосовой. Л.: Учпедгиз. Ленинградское отделение, 1960.
6. Лобанова Е. И. Абсурдизм как социальный феномен // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. Вып. 5.
7. Маркова Е. А. Творчество С. Беккета в контексте «Записок из подполья» Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2020. № 12.
8. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010.
9. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира: сборник / отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988.
10. Яковлева Е. В. Особенности сохранения прагматики языкового абсурда при переводе // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1.
11. Bennis M. Demystifying the Absurd in Samuel Beckett's Fiction and Drama // International Journal of Language and Literary Studies. 2023. Vol. 5. Iss. 2.
12. Campbell S. N. Blend It Like Beckett: Samuel Beckett and Experimental Contemporary Creative Writing. 2020. <https://dc.etsu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=5237&context=etd>
13. Childs P., Fowler R. The Routledge Dictionary of Literary Terms. Abingdon: Routledge, 1973.
14. Winstanley A. M. 'First Dirty, Then Make Clean': Samuel Beckett's Peristaltic Modernism, 1932-1958. 2013. <https://etheses.whiterose.ac.uk/4298/>

Информация об авторах | Author information**RU**Ульяницкая Любовь Александровна¹, к. филол. н.Чутова Анастасия Олеговна²¹ Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)² Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург**EN**Liubov Alexandrovna Ulianitckaia¹, PhDAnastasia Olegovna Chutova²¹ Saint Petersburg Electrotechnical University² The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg¹ ulianitckaia_liubov@mail.ru, ² nastyachutova@mail.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 03.11.2024; опубликовано online (published online): 17.12.2024.

Ключевые слова (keywords): французский язык; С. Беккет; литература абсурда; система образов; метафора; фигуры речи; French language; Samuel Beckett; absurdist literature; system of images; metaphor; figures of speech.